

Научно-исследовательская статья

УДК 32.019.51

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.3

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ АЛЕКСИСА ДЕ ТОКВИЛЯ И ВИЛЬФРЕДО ПАРЕТО

Ткаченко А. В.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

tkachenkoav@mgpu.ru

Осмоловская С. М.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

sakovichsm@mgpu.ru

Аннотация. Статья продолжает начатое в предыдущем номере журнала исследование социально-философских и социологических концепций двух выдающихся европейских мыслителей — Алексиса де Токвиля и Вильфредо Парето. Среди проблем, которые они изучали, на этот раз выделены следующие: пути формирования общественного сознания, преимущества и недостатки демократии, взаимоотношения элиты и масс, социальные функции религии, социальное прогнозирование и другие.

Аналитический разбор теорий французского и итальянского мыслителей сопровождается попутным сопоставлением их взглядов с концепциями видных философов, социологов, политологов и экономистов XIX–XX вв. При описании воззрений Токвиля и Парето подчеркивается оценка и трактовка, данная ими отдельным социальным процессам. Особое внимание уделено тем идеям ученых, которые можно признать актуальными и для нашего времени. В заключение перечисляются схожие и отличные друг от друга идейные позиции Токвиля и Парето.

Ключевые слова: общество, социальный мыслитель, социальные отношения, религия, элита, демократия, либерализм, социальный прогресс, социальное поведение, общественное сознание, социальное прогнозирование

Для цитирования: Ткаченко А. В., Осмоловская С. М. Социальные отношения в концепциях Алексиса де Токвиля и Вильфредо Парето // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 2 (50). С. 34–49. DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.3

Scientific research article

UDC 32.019.51

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.50.2.3

SOCIAL RELATIONS IN THE CONCEPTS OF ALEXIS DE TOCQUEVILLE AND VILFREDO PARETO

Alexander V. Tkachenko

Moscow City University,
Moscow, Russia,
tkachenkoav@mgpu.ru

Svetlana M. Osmolovskaya

Moscow City University,
Moscow, Russia,
sakovichsm@mgpu.ru

Abstract. The article continues the study of the socio-philosophical and sociological concepts of two outstanding European thinkers, Alexis de Tocqueville and Vilfredo Pareto, begun in the previous issue of the journal. Among the problems that they studied, this time the following were highlighted: some ways of forming public consciousness, the advantages and disadvantages of democracy, the relationship between the elite and the masses, the social functions of religion, social forecasting and others.

An analytical analysis of the theories of these French and Italian thinkers is accompanied by a passing comparison of their views with the concepts of prominent philosophers, sociologists, political scientists and economists of the 19th-20th centuries. When describing the views of Tocqueville and Pareto, the assessment and interpretation they gave to individual social processes is emphasized. Particular attention is paid to those ideas of two scientists that can be considered relevant for our time. In conclusion, similar and different ideological positions of Tocqueville and Pareto are listed.

Keywords: society, social thinker, social relations, religion, elite, democracy, liberalism, social progress, social behavior, public consciousness, social forecasting

For citation: Tkachenko, A. V., & Osmolovskaya, S. M. (2024). Social Relations in concepts of Alexis de Tocqueville and Vilfredo Pareto // *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (50), 34–49. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.50.2.3>

Введение

Алексис де Токвиль и Вильфредо Парето много писали о роли личности в истории, о социальном поведении, о религии, о праве, о государственном устройстве и политических отношениях, о социальном прогрессе и экономике, то есть затрагивали самые разные стороны общественного бытия. Но главное не то, что оба мыслителя пытались охватить

в своих трудах как можно больше социальных процессов и явлений, а то, что они поставили перед собой сложнейшую задачу — понять механизмы и закономерности, благодаря которым зарождаются, функционируют, развиваются и нередко гибнут те или иные общественные установления.

Несмотря на критику отдельных научно-философских тезисов, обоснование выдвинутых ими позиций не смогли опровергнуть вплоть до настоящего момента. А значит, идеи Токвиля и Парето имеют большое значение и для современного обществознания.

Представления Алексиса де Токвиля о демократическом обществе

Алексис де Токвиль (1805–1859), как и многие его современники, пытался совместить консервативные и либеральные политические взгляды. С одной стороны, он был богатым аристократом и сожалел об уничтожении потомственного дворянства в годы Великой революции, поскольку титул, купленный за деньги, не приносит его обладателю той системы ценностей, которая передавалась ранее из поколения в поколение [Токвиль, 2020]. С другой стороны, Токвиль признавал неизбежность и естественность социального прогресса и понимал, что, находясь в развитии, мир постоянно меняется. Поэтому если говорить о середине XIX века, то для Европы лучшим вариантом становится либерализм правого толка как переходная стадия к либеральной демократии по американским лекалам [д'Эйтхаль, 2016]. Весь мир со временем, по мнению Токвиля, должен пойти по пути, повторяющему путь американского общества. Однако мыслитель не заметил в своем утверждении противоречия: как могут другие страны копировать модель американской демократии, если по его же словам, Америка изначально находилась в отличных от других стран условиях?

В. Парето также на первых порах склонялся к поддержке правого либерализма по-английски. И, как и Токвиль, усматривал препятствия на пути прогресса как справа, так и слева. Его не устраивали устаревшие политические режимы, оставшиеся от прежних столетий, но еще больше тревожила набиравшая силу и популярность социалистическая идеология. Токвиль успел с ней столкнуться в ходе революций во Франции в 1830 и 1848 гг. Парето же застал ту эпоху, когда идеи социализма стали овладевать умами миллионов людей, и даже пережил коммунистическую революцию в России. Поэтому с годами Парето начал править во взглядах, превращаясь в идеолога раннего фашизма, и наиболее решительно выступил против левых партий. Главное же отличие подхода Парето от позиции Токвиля заключается в том, что итальянский мыслитель не просто отказался идеализировать демократию, а подверг этот социально-политический строй взвешенной, но острой критике.

Подобно А. де Сен-Симону, О. Конту, Г. Спенсеру или К. Марксу, А. де Токвиль считал, что в ближайшем будущем главными занятиями в обществе станут промышленность, торговля и финансовая деятельность. Американское общество наглядно показывало, как это может происходить. Однако не принималось во внимание широкое распространение плантационного рабства, в первую очередь в тех штатах, где выращивался хлопок, что говорило о рентабельности аграрного сектора экономики. Для Токвиля тезис о бурном развитии фабрично-заводской промышленности был нужен потому, что он вписывался в его теорию демократического общества, для которой характерны утверждения о более успешном развитии экономики именно при демократии и о правовом равенстве граждан. А какое может быть равенство между плантатором, простым фермером и рабом? Другое дело — промышленность и торговля, где теоретически каждый может добиться какого-то успеха.

Динамичное развитие экономики в условиях демократии объяснялось Токвилем тем обстоятельством, что при равенстве возможностей идеалом для граждан становится не величие правителя и государства, а собственное материальное благополучие [Токвиль, 2023]. Однако в этом преимуществе демократии скрыт целый ряд минусов, которые не укрылись от пронизательного взгляда Токвиля. Прежде всего, стремление жить ради себя логически приводит к распространению индивидуализма [Шац, 2021], когда, по меткому выражению З. Баумана, утверждается «Каинов принцип»: «Разве я сторож брату своему?» Бороться с ним можно путем создания клубов по интересам, подобных английским. Таким же путем Э. Дюркгейм предлагал позже бороться с одиночеством потенциальных самоубийц [Дюркгейм, 2022].

Второй минус распространения индивидуализма — нежелание жертвовать собой ради общественного блага и, как следствие, нежелание служить в армии. Токвиль полагал, что демократические государства будут проигрывать первые сражения в войнах, но в итоге будут выходить из них победителями в силу большего экономического потенциала. Наконец, развитие эгоистического мировоззрения должно повлечь за собой усложнение бытовых отношений между людьми, поэтому Дюркгейм через полвека предложил для консолидации разрозненного профессионально и идейно общества теорию социальной солидарности: сотрудничество граждан для достижения общих целей должно привести к возвращению общества к моральным ценностям, пусть и отличным немного от традиционных норм.

Среди других минусов демократии Токвиль выделял публикацию любой, даже ложной информации в газетах, поскольку ради выгоды иной человек готов на все, а свобода печати не препятствует тиражированию фейков. Другой минус — действия выборных властей в угоду избирателям, хотя В. Парето показал, что это угождение чаще всего показное, потому что богатые люди не для того копят богатство, чтобы пойти на выборы и потом раздать это богатство бедным. Напротив, они идут на выборы и оплачивают избирательные кампании своих ставленников и сторонников для того, чтобы умножить

свой капитал, лишь на словах обещая избирателям улучшение их материального положения.

Еще один недостаток демократии, на который редко обращают внимание западные исследователи научного наследия Токвиля, — захват власти финансовой олигархией. Сама по себе олигархия не является злом, но содержит угрозу перерождения демократии в завуалированное господство новой знати из числа крупнейших промышленников и банкиров. По мнению Парето, процесс превращения людей, управляющих экономикой, в олигархов закономерен даже при социализме, поскольку элита тем и отличается от народа, что имеет политическую власть вкупе с доступом к ресурсам. Однако Токвиль надеялся, что демократическое общество не станет повторять ошибок прошлого и сохранится в течение долгого времени. Здесь видно очередное противоречие в его взглядах: уверенный в постоянной эволюции общества, он отказывал демократическому обществу в праве эволюционировать в сторону деградации.

Прочие недостатки демократии касаются пренебрежительного отношения к природе, искусству и фундаментальной науке. В красивом дереве житель демократического государства видит не предмет любования, а будущую мебель или иную вещь для утилитарного применения. Поэзия, которой в Старом Свете традиционно занимались дворяне или люди, имевшие много свободного времени, не имеет для демократа смысла. А научная теория, если она не способна принести в краткосрочной перспективе коммерческую прибыль, по его мнению, не стоит того, чтобы тратить на ее разработку силы и средства.

Вместе с тем демократия имеет плюсы, которые перевешивают в глазах Токвиля все перечисленные выше минусы. Помимо быстрого развития экономики, это социальная стабильность [Acemoglu, Egorov, Sonin, 2018]. Экономический рост и условно равные возможности для занятия бизнесом приводят к созданию сильного среднего класса, а еще со времен Аристотеля известно, что там, где он существует, меньше вероятности социального взрыва. Середняк боится в ходе революции потерять даже то небольшое, что он имеет. Поэтому если потребности граждан будут расти не стремительно, а плавно, вместо революции будет происходить увеличение численности и укрепление среднего класса как антиреволюционного слоя населения. Иными словами, Токвиль высказал мысль, характерную для либералов и противоположную идею К. Маркса о том, что по мере развития капитализма при росте производства капиталисты будут богатеть, а средний класс будет сокращаться и пополняться своими разоренными представителями растущие ряды пролетариев.

Характерно, что Маркс и Токвиль сходились во мнении об антиреволюционном настроении среднего класса — мелкой и средней буржуазии, зажиточного крестьянства и т. п. Только прогнозы на будущее они делали разные. Вера Токвиля в плавное, но постоянное улучшение уровня жизни американцев строилась на мысли о том, что опасное для возникновения революционной ситуации

положение в Америке невозможно, поскольку, в отличие от стран Евразии, США не угрожают риски ускоренной модернизации экономики. Не будет резких скачков с резким увеличением потребностей неподготовленного к этому общества — не будет и революции. Пример политики русского правительства, которое с конца XIX века стремительно начало развивать промышленность в стране с патриархальным аграрным укладом, судя по всему, подтверждает правоту Токвиля в его оценке издержек ускоренной модернизации [Арон, 1993, с. 249]. Как, собственно, и отсутствие революций за всю историю США [Ткаченко, 2015].

Устойчивость социально-политической системы Америки зависит еще и от специфической организации партий в условиях демократии. Если европейские партии излишне идеологизированы и выступают за совершенно разные способы управления страной и ее экономикой, то американские партии являются все теми же клубами по интересам и, конкурируя друг с другом, редко выступают за радикальную смену политического курса и за отмену демократии. Она всем им выгодна. Умный и порядочный человек, по мнению Токвиля, вообще не может быть радикалом.

Следующее достоинство демократии — это ощущение свободы, что невозможно без особого религиозного воспитания. Токвиль один из первых высказал мысль о том, что у американцев своя, особенная религия. Позже это предположение подхватили Р. Белла и другие мыслители, заявившие о постепенном формировании в США так называемой гражданской религии. Характерная черта религии, сложившейся в Северной Америке под влиянием колонистов, коих в Европе считали еретиками, в том, что она не видит в свободе человека отклонения от Божьих заповедей. Бог свободен, и раз Он создал человека по Своему образу и подобию, то тот тоже свободен. Другое дело, что после грехопадения Адама и Евы их потомки стали снедаемы страстями и слишком часто используют свободу в ущерб окружающим. Но первородный грех скован законодательством, которое не дает ни одному гражданину и даже президенту неограниченной власти вершить произвол. Ошибка французских королей и католической церкви заключалась в том, что они боялись свободы для королевских подданных и стремились к неоправданно большой централизации власти, единообразию в управлении и жесткой регламентации жизни французов.

Недостаточно основательное знакомство Токвиля с основами православия не позволило ему убедиться в том, что традиционное христианство вовсе не отвергает ценность свободы личности, констатируя, что человек сам делает выбор, как ему поступать в заданных Богом условиях. В то же время свобода в сектах кажется сомнительной, а общеизвестно, что североамериканские колонии Англии, на базе которых возникли США и их демократия, имеют истоки именно в гонимых в большинстве стран Европы сектах пуритан, квакеров и т. д. А жизнь пуритан была регламентирована, и отступления от этой регламентации карались не меньше, если не больше, чем аналогичные проступки, которые совершали в Европе католики или православные. Поэтому

тезис Токвиля о свободе, принесенной на американскую землю вместе с покинувшими Европу маргиналами, представляется малоубедительным. Более того, раз демократия призвана распространяться по всему миру, очевидно, что эта в прошлом маргинальная религия рано или поздно должна стать мессианской и претендующей на то, чтобы заменить собой традиционные конфессии и обычаи Старого Света, и, судя по всему, мнения его жителей не будут при этом учитываться.

Дополнительный плюс демократии, выделенный Токвилем, — широкий доступ населения к информации. После появления теории информационного общества эта мысль французского мыслителя представляется еще более значимой, чем во время его жизни, хотя сам он вряд ли осознавал большую роль информации в жизни будущих поколений. Он просто считал, что жесткая цензура хуже, чем знание о происходящих в стране и мире событиях, хотя, к сожалению, на сегодняшний день можно констатировать, что умалчивание фактов и искажение новостных сообщений стали нормой для многих СМИ, выходящих в странах, считающих себя демократическими [Ананишнев, Осмоловская, Ткаченко, 2021].

Наконец, демократия через внедрение в правовую систему принципа федерализма позволяет регионам и муниципалитетам разрабатывать такие нормативные акты, которые учитывают нужды местных жителей. Центральная власть, при отсутствии демократии стремящаяся подавить автономию регионов, по природе своей препятствует самоуправлению и, по словам Токвиля, почти никогда не способна оперативно отреагировать на запросы, исходящие из провинции. Этот недостаток устраняется при демократии [Арон, 1993, с. 235].

В будущем торжество демократии приведет к стиранию разницы между престижными и непрестижными видами работы, сокращению социального неравенства и экспансии американских порядков на ближние и далекие регионы планеты. Уже при жизни Токвиля Соединенные Штаты расширились за счет приобретения, а чаще всего — завоевания обширных областей на юге и на западе. Отсутствие опасных и сильных соседей лишь укрепит уверенность американцев в мощи их государства и в преимуществах выбранного ими социального строя.

Представления Вильфредо Парето о структуре общества

По Вильфредо Парето (1848–1923), в строгом смысле слова, любое общество можно поделить на две неравные части: немногочисленную по составу и замкнутую элиту и народные массы, представляющие собой абсолютное большинство населения [Парето, 2009]. Если А. де Токвиль, А. де Сен-Симон, Д. Рикардо, К. Маркс, О. Тьерри, Ф. Гизо, Л. фон Штейн, М. Вебер и другие мыслители XIX века часто использовали в своих трудах такие термины, как социальный класс, правящий класс и т. п., то В. Парето придавал делению

общества на классы и классовую борьбу гораздо меньшее значение, потому что при наличии разнообразных классов, каст или сословий все равно общество будет состоять из верхушечного слоя и подчиненного ему народа.

У кого власть — у того и деньги, у кого деньги — у того и власть. Независимо от употребления термина «элита» в узком смысле как правящего класса или в широком значении как социального слоя, состоящего из лиц, более других преуспевших в своей профессии, элита сосредоточивает в своих руках нити управления обществом и основные материальные богатства и престиж. Таким образом, в теории Парето, как и в теории П. А. Сорокина, неравенство было и остается неизменным атрибутом любого социума [Сорокин, 2020]. В ряде случаев Парето вместо термина «элита» употреблял слово «аристократия», что говорит о функциональном сходстве средневековой знати и современной финансовой олигархии, безраздельного господства которой опасался Токвиль. В отличие от А. де Сен-Симона, противопоставлявшего старый, паразитирующий на труде крестьян класс землевладельцев новому индустриальному классу полезных для общества предпринимателей, Парето не видел принципиальной разницы между элитами разных исторических эпох. Разве что древние и средневековые элиты, будучи военными, периодически истреблялись в войнах, а в современных условиях им больше угрожают революции.

Парето предлагал условно присвоить каждому человеку свой индекс успеваемости от 0 до 10 баллов. Получившие высшие баллы относятся к элите, потому что главным критерием жизненного успеха является богатство, достигнутое за счет карьерного роста в определенной профессии, пусть даже это будет профессия вора или проститутки: «Тому, кто сумел заработать миллионы (неважно, хорошо это или плохо), мы поставим 10, а зарабатывающему тысячи франков — 6. Тому, кто едва не умирает с голоду, поставим 1, а помещенному в приют для неимущих — 0» [Арон, 1993, с. 452]. Причем, достижение успеха обязательно при жизни, поэтому великий художник, умерший в нищете и картины которого после его смерти стали продаваться за миллионы, к профессиональной элите не относится. А бездарный писатель, чьи книги во время его жизни расходятся огромными тиражами, а после его кончины предаются забвению, все-таки входит в элиту как в клуб избранных состоятельных и успешных людей.

Эти люди могут непосредственно не заниматься делами государственного управления, но благодаря деньгам и возможности формирования общественного мнения косвенно влияют на тот узкий круг, который называется правящей элитой. Самое интересное, что Парето, как и Токвиль, не склонен был приписывать правящей элите продуманную программу действий и единство мнений. Даже при очевидных общих интересах внутри элиты постоянно идет конкурентная борьба, которая может расколоть и погубить весь высший социальный слой или его часть. Так произошло во время Великой французской и Русской революций. Без внутреннего ослабления элиты ее свержение возможно лишь военным путем.

Элита имеет в своем арсенале как силовые, так и мягкие способы воздействия на массы для приведения их к покорности. Парето исходил из того, что Конт ошибался, приписывая современному обществу господство научного мировоззрения. Такого господства не может быть, так как наука основана на логике, а большинство людей не опираются на логику в своих поступках и рассуждениях. Следовательно, способы ведения пропаганды должны быть и реально являются псевдологическими:

1. Простое утверждение, образцом которого может служить обращение матери к ребенку или командира к рядовому солдату: слушайся, потому что нужно слушаться.

2. Убеждение авторитетом, вроде материнского повеления: слушайся, потому что этого хочет папа. В качестве авторитета для народа может подойти известный политик, военачальник или религиозный проповедник.

3. Если авторитета конкретных лиц или обычаев недостаточно, можно сослаться на абстрактную сущность или на сверхъестественное существо. Например, мать может сослаться на сказочного персонажа, а политик — на Бога или на абстракции вроде свободы, прав человека, прогресса и т. п.

4. Доводы, которые чаще всего состоят из подбора двусмысленных терминов, не согласующихся с реальностью. Поэтому самое эффективное средство убеждения — это многократное повторение одного и того же утверждения. Повторение больше действует на чувства, чем логические доводы, которые действуют на разум лишь очень умного человека.

Лучшая пропаганда — это частое повторение самых простых и абсурдных изречений. Простыми они должны быть потому, что сложную речь большинство людей не воспримет, а абсурдными они должны быть потому, что в абсурде нет четкого смысла и люди не смогут рассудить, обманывают их или нет. Г. Лебон добавил бы к описанию этого способа словесной манипуляции выстраивание ярких, запоминающихся образов в расчете на образное мышление толпы [Лебон, 2023]. Как говорил американский специалист в области публицити А. Ли, народ хочет знать факты, и он их получает, но в дозированном варианте, с картинками и без цифр и данных статистики, поскольку простые люди цифры «не переваривают».

Меньшинство подчиняет своей воле большую часть населения, используя хитрость и принуждение. Вслед за Н. Макиавелли Парето подразделял политиков на хитрых лисов и грубых, но смелых львов. Политики-лисы поддерживают свою власть умелой пропагандой и подкупом и часто встречаются в Западной Европе и Америке, поэтому западные режимы Парето называл плутодемократическими и не испытывал к ним такого пиетета, как Токвиль. В целом Парето меньше, чем Г. Моска или М. Вебер, интересовался тем, как элита убеждает народные массы в своей легитимности. Его больше волновало то, как с точки зрения социальной психологии элита манипулирует общественным сознанием ради того, чтобы удержаться у власти [Осипова, 2004].

Подобно тому, как Парето противопоставлял элиту и массы, в сфере экономических отношений он выделил категории спекулянтов и рантье. Спекулянты путем хитроумных махинаций постоянно пытаются присвоить себе те сбережения, которые откладывают обычные люди. Для большинства населения невозможно составление в уме логически выверенных комбинаций, поэтому простые граждане предпочитают более примитивную позицию рантье, то есть рассчитывают накопить деньги и в рамках установленных элитой правил попытаться приумножить свои доходы, в частности за счет создания банковских вкладов под проценты или вложения средств в ценные бумаги. Спекулянты, дождавшись, когда сбережения у народа вырастут, законно или незаконно их отбирают, например объявляя о банкротстве банка, финансовой реформе или о внезапном закрытии акционерного общества. Такие операции надо делать с перерывами в несколько лет, иначе рантье не успеют накопить сумму, достаточную, по оценке спекулянтов, для изъятия.

Впрочем, элиты и спекулянты не вечны. Вся история человечества — это «кладбище аристократий», то есть история жизни и смерти правящих элит. Одна элита постоянно сменяет другую [Rhee, 2022]. Причины гибели элит следующие:

1. Элиты рискуют быть уничтоженными в войнах. Во время боя противник целится и стреляет в первую очередь в офицеров. Они же поднимают войска в атаку, попадая под прицел. Можно привести множество исторических примеров, когда элиты намеренно убивались врагом. Так, Вильгельм Завоеватель в битве при Гастингсе разгромил войско английского короля Гарольда. Гарольд погиб, и вместе с ним или вслед за ним была ликвидирована большая часть англосаксонской знати, которая за сотни лет до того точно так же истребила местную кельтскую аристократию. Французские бароны заняли место убитых англосаксов и еще столетия говорили между собой на французском языке. В XV веке многие потомки завоевателей перебили друг друга в ходе войны Алой и Белой роз, и история со сменой элит повторилась.

2. Продолжительное правление элиты без периодического ее обновления может привести к ее старению. Примером можно считать ситуацию, сложившуюся в позднем Советском Союзе. В условиях геронтократии пожилым и больным правителям трудно контролировать ситуацию в стране и проявлять инициативу. Положение усугубляется тем, что с каждым годом усиливается разрыв между ценностями стареющей элиты и интересами и запросами большей части населения, которая значительно моложе правящих старцев. При этом важно подчеркнуть, что само по себе нахождение у власти пожилого и опытного, уважаемого правителя не является злом. Проблема начинается тогда, когда десятилетиями правящий класс состоит из одних и тех же людей.

3. Потомки тех, кто некогда отличался силой, отвагой, жестокостью, хитростью и сумел захватить власть, необязательно будут такими же одаренными и потому могут выпустить власть из рук. Через несколько поколений

элита вырождается, и ее представители теряют навыки борьбы и начинают заниматься не тем, чем они должны быть озабочены прежде всего. Вместо того чтобы вести борьбу за самосохранение, они спорят друг с другом, удаляются в поместья со службы, увлекаются наукой и искусствами и даже критикуют те социальные институты, благодаря которым они еще живы и сохраняют свой главенствующий социальный статус. Имеются в виду такие институты, как монархия, Церковь и т. д. По меткому замечанию Парето, накануне Великой французской революции дворяне собирались в великосветских салонах и обсуждали, как, следуя призыву Вольтера, «раздавить гадину», и в результате были раздавлены сами [Арон, 1993, с. 459]. Нечто подобное происходило с русской аристократией перед революцией в России.

Элита может удержаться у власти как абсорбируя желающих войти в нее наиболее талантливых представителей низов, так и устраняя их путем убийства, изоляции, изгнания или ссылки. В этом плане особенно устойчивой оказалась английская элита, которая сильно не менялась со времен Реставрации монархии и Славной революции 1688 года. Стабильное положение английской знати было обеспечено, во-первых, грамотной политикой, предоставляющей доступ к титулам и должностям храбрым пиратам, выдающимся ученым, популярным артистам, которые, войдя в элиту и став сэрами, уже не будут бороться против нее словом и делом, а, наоборот, начнут, следуя корпоративным интересам, защищать ее от нападков. Кроме того, английской знати, как и японской, повезло с островным расположением страны — ведь в условиях изоляции от внешнего мира проще сохранить существующие порядки. Наконец, Англия имела множество колоний, куда можно было сослать наиболее опасных врагов режима, причем, часть амбициозных и недовольных оппозиционеров уезжали из страны добровольно. При этом английское правительство охотно разрешало селиться в Лондоне тем политикам и публицистам, которые призывали «к топору» своих соотечественников, но не имели ничего против британских властей.

По этой логике, Россия как страна, обладающая огромной территорией, тоже имела возможность сослать недовольных в Сибирь или на Кавказ. В Российской империи за заслуги перед Отечеством на гражданской службе и за военные подвиги присваивалось дворянство. Но, видимо, пополнение элиты «свежей кровью» шло не так быстро, а, может, наоборот, слишком быстро, что избежать революции не удалось. Впрочем, большую роль сыграли и внешние факторы.

Похожее на Англию преимущество имеют США. Неслучайно Токвиль неоднократно указывал, что изоляция Америки от Старого Света дает ее жителям возможность развивать демократию и спокойно обогащаться. А рост богатства населения уменьшает риск революции и свержения американской элиты. Парето в своих рассуждениях пошел еще дальше Токвиля и предположил, что имущественное неравенство можно сгладить в том случае, если богатство страны будет расти быстрее ее населения. Однако этим тезисом

он противоречит своему же утверждению о том, что основные богатства при любой ситуации могут находиться лишь у элиты, которая их же и распределяет, и, следовательно, рост богатства непременно приводит к обогащению правящего класса, но необязательно приводит к повышению уровня жизни народных масс.

Парето критиковал К. Маркса, который любой социальный конфликт сводил к классовой борьбе, а причины классовой борьбы усматривал в экономике. По мнению Парето, борьба масс с элитой, и тем более противоречия внутри элиты, не могут быть синонимом противоречий между трудом и капиталом. Итальянский мыслитель, пожалуй, был близок к Г. Спенсеру и социал-дарвинистам с их представлением о социальных конфликтах как вариациях борьбы за существование. Так, в Средние века классовая борьба вытекала не из экономических, а религиозных конфликтов, но имела ту же самую природную основу. А если представить себе победу коммунистов и построенное ими общество, где исчезнет конфликт между трудом и капиталом, то следует признать, что даже там классовая борьба не исчезнет, а просто приобретет другую форму. Всегда будут люди, желающие бороться за лучшее место в обществе. Амбициозные представители низов всегда хотят стать элитой, а элита всегда хочет сохранить свое господство над низами [Парето, 2009].

Элиты циркулируют по тому же принципу, что и религиозные организации. Вначале религиозная община состоит из активных и целеустремленных людей, которые бросают вызов доминирующему религиозному сообществу — церкви — и, по сути, создают ответвление от нее в виде секты. Секта строится как коммуна, где все имущество общее. Так было у ранних буддистов, так было у христианских апостолов. Однако со временем секта разрастается и, постепенно превращаясь в новую церковь, отходит от коммунистического общежития, вводя официальное неравенство. Такой подход отчасти напоминает идею Маркса о постепенной утрате религиозной общиной революционного духа и замены в зрелой церковной организации проповеди социальной справедливости на проповедь «союза алтаря и трона».

После того как церковь приобретает черты той организации, против которой она же сама изначально боролась, от нее откалываются группы недовольных и создают свои секты. И история повторяется по кругу. В качестве примера можно привести Реформацию, в ходе которой от католической церкви обособились протестантские секты, местами дошедшие в своем развитии до уровня церквей и деноминаций. По утверждению Парето, правда довольно спорному, отшельничество и монашество тоже зародились у римлян как проявление недовольства Церковью и ее засильем [Парето, 2024].

В отличие от М. Вебера, Э. Тайлора, Дж. Фрэзера, Э. Дюркгейма, Б. Малиновского и отчасти А. де Токвиля, В. Парето почти ничего не писал о догматике и обрядах разных религий. В отличие от многих позитивистов, он презирал оккультизм. Его внимание концентрировалось не на системе верований и ритуалов, а на механизме развития религиозных сообществ, на их институционализации

и на влиянии религии на социальное поведение, то есть на социальных проявлениях религиозности, что сближает его с И. Вахом и другими представителями феноменологии религии.

Что касается прогнозов на будущее, то В. Парето, подобно М. Веберу [Вебер, 2023], считал, что политическое и экономическое развитие общества неизбежно приведет к расширению бюрократии. Менеджеры, управляющие предприятиями при капитализме, или чиновники, в распоряжении которых находятся предприятия при социализме, одинаково заинтересованы в укреплении своих позиций. В этом заинтересована вся элита, поэтому бюрократический аппарат начнет подминать под себя общество, подобно тому как, по мнению Парето, это происходило в Византии. Произвол, коррупция и борьба за передел собственности, характерные для бюрократии как для самого крепкого социального слоя, способного пережить революции, вызывали тревогу и у Токвиля. Но особенно интересно следующее предположение Парето: поскольку по определению элита совмещает власть и богатства, партийные чиновники при социализме со временем превратятся в сторонников капитализма и захотят легализовать свое элитарное положение. С элитой социалистического общества закономерно произойдет то же, что произошло и с церковной элитой, когда, окрепнув, она отбросила ставшую ей ненужной идею социального равенства.

Заключение

Сопоставление воззрений А. де Токвиля и В. Парето показало, что по многим вопросам они сближаются:

1. Оба мыслителя описывали политические отношения, исходя из своих либеральных симпатий.
2. И Токвиль, и Парето предупреждали о негативных последствиях бюрократизации системы государственного управления.
3. Токвиль и Парето подчеркивали потребность людей в создании ассоциаций и в выработке единой для большинства населения системы ценностей.
4. И тот и другой описывали конфликт между трудом и капиталом как потенциально разрешимый в процессе эволюции общественных отношений.

Вместе с тем можно указать на различия в понимании Токвилем и Парето отдельных социальных явлений:

1. Парето в меньшей степени, чем Токвиль, был склонен дробить общество на отдельные классы, поскольку главным признавал его деление лишь на две части — элиту и народные массы.
2. Токвиль больше внимания обращал на основы вероучений тех или иных религий, в то время как Парето сосредоточился на внешней стороне религиозной жизни и изучал проблему использования религиозных постулатов для воздействия на сознание масс.

3. Парето заострял внимание на иррациональности социального поведения и потому отвергал наличие продуманного плана действий даже для элиты.
4. Взгляды Парето испытали на себе влияние социал-дарвинизма.

Список источников

1. Токвиль А., де. Старый порядок и революция. М.: Социум, 2020. 410 с.
2. д'Эйхталь Е. Алексис Токвиль и либеральная демократия. М.: Librokom, 2016. 160 с.
3. Токвиль А., де. О демократии в Америке. М.: Омега-Л, 2023. 638 с.
4. Шац А. Индивидуализм экономический и социальный. М.: Социум, 2021. 703 с.
5. Дюркгейм Э. Самоубийство. М.: Neoclassic, 2022. 512 с.
6. Acemoglu D., Egorov G., Sonin K. Social mobility and stability of democracy: Reevaluating de Tocqueville // *Quarterly Journal of Economics*. 2018. Vol. 133. № 2. P. 1041–1105. DOI: 10.1093/qje/qjx038
7. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс – Политика, 1992. 608 с. URL: www.https://elibrary.ru/item.asp?id=22524578
8. Ткаченко А. В. Циклическое развитие западных социальных систем: США, Франция, Англия: продолжение [Электронный ресурс] // *Системная психология и социология*. 2015. № 1 (13). С. 111–122. URL: www.https://elibrary.ru/item.asp?id=23875624
9. Ананишнев В. М., Осмоловская С. М., Ткаченко А. В. Медиа как средство воздействия массовой информации на жизнедеятельность человека [Электронный ресурс] // *Вестник МГПУ. Серия «Философские науки»*. 2021. № 1 (37). С. 40–48. DOI: 10.25688/2078-9238.2021.37.1.04. URL: www.https://elibrary.ru/item.asp?id=45636410
10. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: ВШЭ, 2009. 521 с.
11. Осмоловская С. М. Массовая культура и медиа как универсалии современного общества // *Коммуникология*. 2023. Т. 11. № 2. С. 63–75.
12. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2023. 384 с.
13. Осипова Е. В. Социология Вильфредо Парето: Политический аспект. СПб.: Алетейя, 2004. 160 с.
14. Rhee B. Social heterogeneity, social equilibrium and circulation of elite in Vilfredo Pareto // *Journal of Strategic Security*. 2022. Vol. 33, № 1. P. 245–265. DOI: 10.16881/jss.2022.01.33.1.245
15. Парето В. Социалистические системы. М.: РИОР, 2024. 716 с.
16. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2023. 320 с.
17. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический Проект, 2020. 988 с.

References

1. Tocqueville, A., de. (2020). *The old regime and Revolution*. Moscow: Sotsium. 410 p. (In Russian).
2. d'Eichthal, E. (2016). *Alexis Tocqueville and liberal democracy*. Moscow: Librokom. 160 p. (In Russian).
3. Tocqueville, A., de. (2023). *About democracy in America*. Moscow: Omefa-L. 638 p. (In Russian).

4. Schatz, A. (2021). *Individualism — economic and social*. Moscow: Sotsium. 703 p. (In Russian).
5. Durkheim, E. (2022). *Samoubijstvo [Suicide]*. Moscow: Neoclassic. (In Russian).
6. Acemoglu, D., Egorov, G., & Sonin K. (2018). Social mobility and stability of democracy: Reevaluating de Tocqueville. *Quarterly Journal of Economics*, 133 (2), 1041–1105. <https://doi.org/10.1093/qje/qjx038>
7. Aron, R. (1993). Stages of development of sociological thought. Moscow: Progress – Politika. (In Russian). Retrieved from [www.https://elibrary.ru/item.asp?id=22524578](https://elibrary.ru/item.asp?id=22524578)
8. Tkachenko, A. V. (2015). Cyclic development of Western social systems: USA, France, England: continued. *Systems psychology and sociology*, 1 (13), 111–122. (In Russian). Retrieved from [www.https://elibrary.ru/item.asp?id=23875624](https://elibrary.ru/item.asp?id=23875624)
9. Ananishnev, V. M., Osmolovskaya, S. M., & Tkachenko, A. V. (2021). Media as a means of influence of mass information on human life. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. The series «Philosophical Sciences»*, 1 (37). 40–48. (In Russian). Retrieved from [www.https://elibrary.ru/item.asp?id=45636410](https://elibrary.ru/item.asp?id=45636410); <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2021.37.1.04>
10. Pareto, V. (2009). *Compendium of general sociology*. Moscow: VShE. 521 p. (In Russian).
11. Osmolovskaya, S. M. (2023). Mass culture and media as universals of modern society. *Communication science*, 11 (2), 63–75. (In Russian).
12. Le Bon, G. (2023). *Psychology of peoples and masses*. Moscow: AST. 384 p. (In Russian).
13. Osipova, E. V. (2004). *Sociology of Vilfredo Pareto: Political aspect*. St. Petersburg: Aleteya. 160 p. (In Russian).
14. Rhee, B. (2022). Social heterogeneity, social equilibrium and circulation of elite in Vilfredo Pareto. *Journal of Strategic Security*, 33 (1), 245–265. <https://doi.org/10.16881/jss.2022.01.33.1.245>
15. Pareto, V. (2024). *Socialist systems*. Moscow: RIOR. 716 p. (In Russian).
16. Weber, M. (2023). *Protestant ethics and the spirit of capitalism*. Moscow: AST. 320 p. (In Russian).
17. Sorokin, P. A. (2020). *Social and cultural dynamics*. Moscow: Akademicheskij Proekt. 988. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Ткаченко Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Tkachenko Alexander Vladimirovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

tkachenkoav@mgpu.ru

Осмоловская Светлана Михайловна — кандидат социологических наук, доцент, доцент департамента философии и социальных наук Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Osmolovskaya Svetlana Mikhailovna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City University, Moscow, Russia.

sakovichsm@mgpu.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.